

Клайв С. Льюис

СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО

Перевод Натальи Виноградовой

*Иллюстрации
Паулин Бэйнс*

Москва
2026

Посвящается
Никиты Харгу

Глава первая

ЗА ШКОЛОЙ

Стоял унылый осенний день, и Джил Поул плакала на заднем дворе школы. А плакала она потому, что её изводили. Но эта история не про школу, поэтому я буду рассказывать о школе, в которую ходила Джил, как можно меньше — не очень это приятная тема. Мальчики и девочки здесь учились вместе, поэтому школу называли смешанной, хотя некоторые считали, что смешалось всё главным образом в головах тех, кто ею руководил. Школьное начальство придерживалось мнения, что детям нужно позволять делать всё, что им заблагорассудится. К несчастью, десять-пятнадцать старших мальчиков и девочек обожали издеваться над остальными. Весь ужас, происходивший здесь, в любой другой, самой обычной, школе был бы пресечён, едва успев начаться, но здесь дело обстояло совсем иначе. Даже если мучителей и останавливали, то об исключении из школы или наказании не могло быть и речи. Директриса заявляла, что они

представляют собой интересный психологический случай, звала их к себе и часами беседовала с ними. А тот, кто умел сказать правильные слова, и во все становился директорским любимчиком, и никак иначе.

Вот отчего этим унылым осенним днём Джил Поул плакала, стоя на узенькой мокрой тропинке, ведущей от заднего двора школы к зарослям кустарника. Она ещё не успела доплакать, когда из-за угла школы, насвистывая и засунув руки в карманы, появился мальчик и едва не налетел на неё.

— Смотри, куда идёшь! — проворчала Джил Поул.

— Да ладно тебе! — огрызнулся было мальчик, но, увидев её лицо, сменил тон: — Эй, Поул, что-то случилось?

Джил скривилась, как это часто бывает, когда хочешь что-то сказать, но понимаешь, что стоит только начать, сорвёшься и заплачешь.

— Понятно: это опять *они*, — нахмурился мальчик, глубже засовывая руки в карманы.

Джил кивнула. Говорить было ни к чему — и так всё ясно.

— Послушай, — сказал мальчик, — нехорошо, если нас всех...

Он хотел сделать как лучше, но начал так, словно собирался прочесть лекцию. Джил внезапно разозлилась, как это частенько случается, если вам не дали как следует выплакаться:

— Уходи, тебя это не касается! Кто тебя просил вмешиваться? Хорошо тебе рассуждать, что нам всем нужно делать. Наверное, нужно всё время подлизываться к ним, заискивать, ходить перед ними на задних лапках, как это делаешь ты.

— О господи! — произнёс мальчик, усевшись было на траву возле кустарника, но тут же вскочив на ноги, потому что трава оказалась мокрая-премокрая.

Забавно, но его звали Юстэс Вред, хотя был он очень даже неплохим парнишкой.

— Поул! Разве это справедливо? Разве в этом семестре я так делал? Ведь это я схлестнулся с Картером насчёт кролика. Ведь это я не выдал Спивинса, несмотря ни на что. Разве не я...

— Н-не знаю и знать не хочу, — зарыдала Джил.

Вред понял, что она не в себе, и благоразумно предложил ей мятную конфетку, не забыв и о себе. Очень скоро вещи предстали перед Джил в ином свете.

— Прости меня, Вред, — сказала она. — Это несправедливо. Ты и вправду делал так — в этом семестре.

— Тогда забудь прошлый семестр, если можешь, — попросил Юстэс. — Я тогда был совсем другой. Боже мой, кем я был раньше! Маленьким негодяем.

— Честно говоря, так и было, — кивнула Джил.

— Значит, по-твоему, я изменился? — спросил Юстэс.

— Не только по-моему, — ответила Джил. — Все так говорят. *Они* это тоже заметили. Элинор Блекистон слышала, как Адела Пеннифевер вчера говорила об этом в нашей раздевалке. Она сказала: «Что-то случилось с нашим малышом Вредом. В этом семестре он стал просто неуправляем. Видимо, придётся им заняться».

Юстэс вздрогнул. Все в этой школе знали, что будет, если *они* кем-нибудь займутся.

Оба замолчали, и было слышно только, как с ветвей лавра падали капли.

— А действительно: почему ты так изменился в последнем семестре? — нарушила молчание Джил.

— На каникулах со мной много чего странного произошло, — загадочно ответил Юстэс.

— Что же именно? — заинтересовалась Джил.

Юстэс долго молчал, но наконец заговорил:

— Послушай, Поул, мы с тобой ненавидим это место так, как только вообще можно что-нибудь ненавидеть, правда?

— Что касается меня — точно! — горячо отозвалась Джил.

— Тогда, думаю, тебе можно доверять.

— И на том спасибо, — съехидничала Джил.

— Но это на самом деле страшный секрет. Послушай, Поул, ты веришь во всякое такое... ну, в то, над чем здесь принято смеяться?

— Вообще-то не знаю, — протянула Джил, — но думаю, что верю.

— А ты согласишься, если я скажу, что побывал там, вне нашего мира, и случилось это в каникулы?

— Я просто не понимаю, о чём ты.

— Хорошо, не будем о мирах. Представь, что я побывал в таком месте, где животные разговаривают и где есть всякие чудеса — драконы там и другое такое, о чём пишут в сказках. — Вред ужасно смутился и покраснел.

— Как ты туда попал? — Джил тоже почему-то почувствовала странную неловкость.

— Единственно возможным способом — с помощью волшебства, — еле слышно отозвался Юстэс. — Я был с кузеном и кузиной — им это место знакомо.

Теперь, когда они перешли на шёпот, Джил почему-то стало проще поверить во всё сказанное. Внезапно её пронзило ужасное подозрение, и она заявила (с такой свирепостью, что на мгновение стала похожа на тигрицу):

— Если я узнаю, что ты дурачишь меня, то больше никогда не стану с тобой разговаривать. Слышишь? Никогда-никогда!

— Да нет же, — заверил её Юстэс. — Клянусь, что нет. Клянусь всем-всем.

(Во времена моего детства мы клялись на Библии, но в этой школе клятвы подобного рода не поощрялись.)

— Ладно, — согласилась Джил, — поверю тебе.

— И никому не скажешь?

— За кого ты меня принимаешь?

Разговор привёл обоих в волнение. Однако, когда возникла пауза, Джил оглянулась, увидела скучное осеннее небо, услышала стук капель, падающих с ветвей, подумала о беспросветном существовании в их экспериментальной школе (шла лишь вторая неделя семестра, а всего их было тринадцать) и сказала:

— Ну и что из этого? Мы не там — мы здесь. *Туда* нам никак не попасть. Или всё-таки можно?

— Я сам об этом думаю, — ответил Юстэс. — Когда мы возвращались из того места, Некто сказал, что ребята Певенси (это мои двоюродные брат и сестра) никогда не смогут туда вернуться, потому что побывали там уже три раза. Наверное, больше им не положено. Но никто не сказал, что я не могу туда вернуться. Если бы было нельзя, он бы сказал... И мне кажется, что мы... могли бы...

— Сделать что-нибудь, чтобы это случилось?

Юстэс кивнул.

— Ты думаешь, мы можем начертить на земле круг, написать в нём странные буквы, встать в середине и читать всякие заклинания?

Какое-то время Юстэс усиленно соображал.

— Именно это мне и приходило на ум, хотя я никогда так не делал. Но сейчас, когда дошло до

дела, мне кажется, что круги и всё такое прочее — чепуха. Думаю, ему это не понравится. Может показаться, что мы как будто заставляем его что-то делать. На самом деле мы только можем его просить.

— О ком ты всё время говоришь?

— В том месте его зовут Аслан.

— Какое странное имя!

— Не более странное, чем он сам, — важно заявил Юстэс. — Давай попробуем. Ничего плохого не случится, если мы только попросим. Становись рядышком. Вот так. А теперь давай вытянем вперёд руки ладонями вниз, как делают на острове Раманду...

— Каком острове?

— Я расскажу тебе об этом в другой раз. Возможно, он хочет, чтобы мы встали лицом на восток. Так, где у нас восток?

— Не знаю, — призналась Джил.

— Удивительно, но девочки никогда не знают, где какая сторона света, — заметил Юстэс.

— Ты тоже не знаешь, — возмутилась Джил.

— Сейчас скажу, если не будешь мне мешать. Ну вот. Восток там, где кусты лавра. А теперь повторяй за мной.

— Что повторять? — не поняла Джил.

— Ну то, конечно, что я буду говорить, — пробормотал Юстэс. — Давай...

И он начал:

— Аслан, Аслан, Аслан!

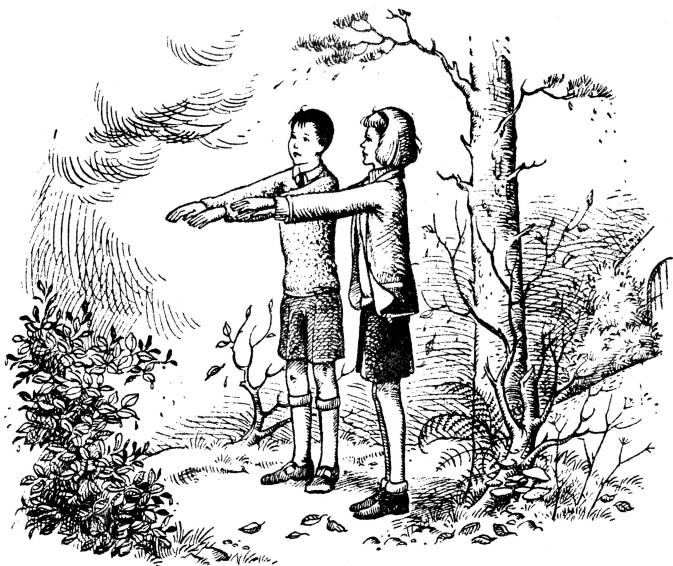
— Аслан, Аслан, Аслан, — эхом отозвалась Джил.

— Пожалуйста, пусти нас двоих...

В этот момент с другой стороны школы раздался голос:

— Поул? Я знаю, где она: вон за школой ревет. Привести её сюда?

Джил и Юстэс переглянулись, нырнули в заросли лавра и принялись карабкаться вверх по поросшему кустарником холму с завидной скоростью (такими способностями они были обязаны методам обучения, которые практиковали в их экспериментальной школе, где ученик усваивал не француз-

ский, математику или латынь, а умение быстро и незаметно исчезать, когда его начинают искать).

Минуту спустя они остановились, прислушиваясь, и по доносившемуся шуму поняли, что их преследуют.

— Только бы дверь была снова открыта! — произнёс Вред на бегу, и Джил кивнула.

Дело в том, что на вершине холма находилась высокая каменная стена с дверью, через которую можно было попасть на вересковую пустошь. Эта дверь почти всегда была закрыта, хотя иногда её всё же открывали — возможно, всего лишь раз. Но представьте себе, что даже этот единственный раз вселил в людей надежду и желание проверить, а всё потому, что, будь она открыта, со школьного двора можно было бы уйти незамеченными.

Джил и Юстэс, разгорячённые и грязные, оттого что чуть ли не на четвереньках вынуждены были пробираться через кустарник, отдуваясь, бежали к стене. Впереди виднелась дверь, как всегда закрытая.

— Наверняка ничего не выйдет! — выдохнул Юстэс, хватаясь за ручку двери. И вдруг... — Ух ты!

Ручка повернулась, и дверь открылась.

Только что они надеялись, что смогут мгновенно проскочить в дверь, будь она открыта, теперь же, когда дверь распахнулась, оба застыли перед ней как вкопанные. А всё потому, что увидели совсем не то, что ожидали увидеть.

Дети рассчитывали увидеть серый, поросший вереском склон, сливающийся на горизонте с серым осенним небом. Вместо этого в глаза им брызнуло солнце. Его свет лился в дверной проём, как июньским днём лился бы в гараж, если приоткрыть дверь. Он превратил в жемчужинки капли воды на траве и осветил чумазое заплаканное лицо Джил. Солнечный свет шёл явно из другого мира, насколько они могли его видеть через дверной проём. Перед ними была такая сочная и такая необыкновенно зелёная трава, какой Джил никогда прежде не приходилось видеть, и голубое небо, в котором сверкало что-то яркое: то ли драгоценные камни, то ли бабочки.

Джил хотя и мечтала раньше о чём-то подобном, сейчас испугалась, а посмотрев на Вреда, поняла, что он тоже боится.

— Давай, Поул, — еле слышно прошептал Юстэс.

— А мы сможем вернуться? Это не опасно? — заволновалась Джил.

В ту же секунду у них за спинами раздался противный тонкий голосок, который злорадно проквакал:

— Так и знай, Поул, всем известно, где ты, поэтому давай спускайся.

Голосок принадлежал Эдит Джекл, которая была не из них, но из их прилипал и доносчиц.

— Быстрее! — закричал Вред. — Вот так. Давай руку. Надо держаться вместе.

И прежде чем Джил поняла, что происходит, он схватил её за руку и втащил в дверь, прочь из школьного двора, из Англии, из всего нашего мира — в *то место*.

Голос Эдит Джекл внезапно смолк, будто выключили радио. В то же мгновение их окружили другие звуки: их издавали у детей над головой яркие существа, оказавшиеся птицами. Они не пели, а скорее шумели, но этот шум тем не менее больше напоминал музыку, чем птичьи трели в нашем мире. И всё же, несмотря на птичьи голоса, они ощутили себя в полнейшей тишине. Эта тишина и прохладный воздух навели Джил на мысль, что они стоят на вершине очень высокой горы.

Вред не выпускал её руку из своей, когда они пошли вперёд, озираясь по сторонам. Джил обратила внимание на огромные деревья вокруг, похожие на кедры, только гораздо больше. Поскольку росли они редко и под ними не было подлеска, лес просматривался на значительное расстояние. На сколько

хватало глаз, везде было одно и то же: ровная трава, порхающие птицы с жёлтым, голубым и радужным оперением, синие тени — и ничего больше. В прохладном чистом воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. В этом лесу было очень тоскливо.

Деревья впереди них закончились, осталось лишь голубое небо. Они молча шли, пока внезапно Джил не услышала, как Вред вскрикнул: «Осторожно!» — и не почувствовала, как её дёрнули назад. Они стояли на самом краю обрыва.

Джил принадлежала к тем счастливицам, которые не знают страха высоты, поэтому стояла над обрывом спокойно, хотя и сердилась на Вреда за то, что тот тянет её назад, как ребёнка. Джил с возмущением выдернула руку и, увидев, как побледнел Юстэс, почувствовала презрение.

— В чём дело?

Чтобы показать, какая она смелая, Джил шагнула к самому краю обрыва — даже ближе, чем хотела, — и только тут взглянула вниз.

Теперь она поняла, что у Вреда были причины побледнеть: ничто в нашем мире с этой скалой не могло сравниться. Представьте, что смотрите вниз с самого высокого утёса. А потом представьте, что вниз уходит пропасть в десять, в двадцать раз глубже. Глубоко-глубоко внизу, неразличимые с такой высоты, виднеются маленькие белые комочки, похожие на овечек. Но вовсе это не овечки, а облака, и притом не мелкие клочки тумана, а огромные белые пушистые облака величиной с гигантскую гору. И наконец, где-то там, между облаками, удаётся разглядеть дно пропасти, такое далёкое, что не ясно, поле там внизу или лес, земля или вода, — там, далеко под этими облаками, гораздо дальше, чем находитесь от них вы.